

УДК 329.14

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.149158

О ПЕРСПЕКТИВАХ ЛЕВОРАДИКАЛЬНОГО ПОПУЛИЗМА В РОССИИ*



Фишман Леонид Гершевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Доктор политических наук, профессор РАН,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: lfishman@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена перспективам возникновения и развития леворадикального (социалистического) популизма в современной России. Отмечается, что в нашей стране существуют подобные западным, и даже отчасти превосшедшие их по степени зрелости, социоструктурные, экономические и идеологические предпосылки возникновения социально-ориентированного популизма. Особое внимание уделяется рассмотрению предполагаемого содержания политического дискурса, который, с большой долей вероятности, будет заложен в основу российской версии леворадикального популизма.

Ключевые понятия

популизм, социализм, рентно-сословное общество, государственный капитализм.

Нынешняя Россия в плане снижения уровня жизни большей части населения переживает не самые лучшие времена, а дальнейшие перспективы представляются еще менее радужными. Недовольство, вызываемое мероприятиями власти, вроде повышения пенсионного возраста, постепенно растет. Иногда может показаться, что у нас складывается чуть ли не «революционная ситуация», которая, правда, так и не перерастает в революцию. «Низы категорически не хотят жить по-старому, но и не готовы бороться, чтобы создать что-то новое.

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта Института философии и права УрО РАН: проект № 16–6–6–9 «Фундаментальные проблемы правовой и морально-политической регуляции современных обществ в национальном и глобальном аспекте».

Не готовы перейти черту, отделяющую недовольство от организованного сопротивления, протест от бунта» [2].

Пусть революция сразу и не ожидается, но в современной России, казалось бы, существуют многочисленные предпосылки для формирования массовых социалистических или коммунистических движений. Почему же до сих пор не появилось ничего подобного?

Предварительный ответ лежит на поверхности: потому что социализм и коммунизм как идеологии и движения соответствуют «обществу труда» с его социальной структурой. Это капиталистическое классовое общество с доминирующими рыночными отношениями. В этом обществе трудящиеся – производительный класс; они если и источник социальных проблем, то не обуза. Они, в конечном счете, кормят государство, непроизводящие социальные группы и пр. Российское же общество – рентно-сословное. В нем «большая часть населения выступает... как обуза, на которую надо постоянно тратить генерируемый государством ресурс. Поэтому очевидно естественное стремление элит ограничить лишние сословия в их доступе к механизмам поддержки со стороны государства» [8, с. 124]. Россия, как отмечает С. Кордонский, «самоорганизуется как огромная корпорация, а с агентами глобального рынка стремится взаимодействовать как национальное государство» [4, с. 39–40].

Поэтому в России наиболее остро и понятно для масс стоит вопрос не о радикальном изменении общественного строя, а о политической революции, главной задачей которой станет вопрос об управлении этим государством-корпорацией. Такая ситуация сложилась постольку, поскольку существуют «две фундаментальные цели элит: а) легитимация и политический контроль над населением и б) присвоение ресурсов – приводят к взаимоисключающим стратегиям, формирующим общее конфликтное поле рентно-сословного политического порядка» [8, с. 124].

Но именно по той же самой причине у нас складываются предпосылки для формирования движений, подобным современным западным лево- и правопопулистским (в той мере, в которой последние также поднимают социальную проблематику).

Современный популизм в странах Запада, который, как и у нас, является симптомом перехода к рентному обществу [16], подразумевает: а) переход от классовой структуры к квазисословной и б) наличие достаточно длительной традиции представительной демократии. Классы «общества труда», разлагаясь, пытаются либо сохранить свою субъектность, либо получить за ее утрату компенсацию. Недовольство направляется по известному каналу отвержения уважаемых политических сил в пользу «настоящих радетелей за народ», призванных установить подлинную демократию и т. п. – популистов, неважно – правых или левых.

Подобные западным, и даже, отчасти, превзошедшие их по степени зрелости, предпосылки возникновения социально-ориентированного популизма существуют также и в России. Конечно, полностью аналогичные западным популистские движения у нас вряд ли возможны по ряду причин. Наша социальная структура, например, уже в большей степени, нежели западная, приблизилась к предполагаемой структуре зрелого рентного общества. На Западе разлагающиеся классы [3, с. 154] «общества труда» только вступают в борьбу

за то, чтобы стать чем-то вроде сословий с закреплёнными социальными гарантиями, тогда как у нас такие социальные группы в целом сформировались. Однако сходство направления изменений в социальной структуре России и западных стран достаточно велико, чтобы говорить об общем направлении вектора социальных трансформаций. Сходство можно обнаружить и в содержании политико-идеологической сферы: у нас есть предпосылки для выработки типично-популистского формата политического дискурса. Очевидно, что он будет иметь сильный (если не ведущий) перераспределительный момент. Как и западный, предполагаемый российский популизм будет исходить из противопоставления элит и масс. К тому же, учитывая события последних лет, продемонстрировавшие запредельный цинизм и эгоизм отечественных правящих элит, явно не желающих разделить тяготы с народом, это противопоставление у нас обещает стать еще более резким. В любом случае, мы можем утверждать, что и в западном, и в российском случае мы будем иметь дело с одним и тем же популизмом, провозглашающим своей целью переориентировать управляемое элитами демократическое/олигархическое государство в интересах «народа».

Отличие от западного популизма будет заключаться в том, что наш популизм будет разворачиваться в рамках *уже* существующего государства-корпорации, в котором, казалось бы, достаточно сменить верхушку, чтоб установить справедливое перераспределение ресурсов. Западный же популизм, скорей, подспудно имеет целью построение такого государства-корпорации, в котором в будущем проблема «лишних людей», по выражению М. Форда, будет решаться «за счет экономики в целом» [17, с. 369] (эта цель, похоже, еще толком не осознана, чему отчасти препятствует табуирование подобного рода рефлексии, поскольку она вызывает ассоциации с корпоративным государством фашистов).

Популистская политика сама по себе не может надолго решить беспокоящие современные общества проблемы. Популизм преимущественно сводится к тому, что государство должно что-то делать ради «народа». Сегодняшний популизм – политический и идеологический феномен уходящего этапа развития капитализма с его представительной демократией и всеми проблемами, возникающими по поводу ее ограниченности и неэффективности. Демократия более не может компенсировать социальные издержки капитализма, и тогда возникает популизм, который все еще в демократию верит и от нее отталкивается. Сейчас в России такой популизм представляет (или имитирует) собой Навальный, который успешно разбавляет свою первоначальную либерально-демократическую и антикоррупционную риторику социальной проблематикой.

Популизм, не являясь решением проблем, скорее всего, снова будет идеологически оформлен как социализм, пусть даже и под другими названиями. Данный социализм отчасти станет попыткой возрождения советского или европейского социал-демократического формата социальной политики. Это будет происходить постольку, поскольку в обоих указанных форматах социализм является, по-видимому, неизбежной стадией, которую проходит капитализм на пути своей трансформации к коммунизму или, как сейчас принято говорить, к «посткапитализму».

Полное возрождение этих двух форматов социализма теперь, однако, невозможно. Прежний формат социализма являлся закономерным следствием как пролетарского этапа социально-освободительного движения, так и, шире, индустри-

альной стадии капитализма. Еще даже в большей степени, нежели пролетариат, его социальной базой был «средний класс» – как в Западной Европе, так и в СССР. Однако сейчас в Западной Европе и США средний класс находится в упадке и постепенно исчезает [7], а в России он по большей части является мифом [19], которому не придают живучести экономические и социальные пертурбации последних десятилетий. Нельзя даже сказать, что происходит «пролетаризация» среднего класса, поскольку пролетариат – класс, во-первых, производительный, и, во-вторых, занимающий в экономике ключевые позиции. Он обладал раньше политической силой именно потому, что мог остановить играющие ключевые для всей экономики роли шахты, железные дороги и т. д. [9, с. 52–53]. Но продукт разложения пролетариата и «среднего класса», «прекариат», не может ничего «остановить». Если рабочий класс, по выражению К. Крауча, за сто лет «описал параболу», «стал классом проигравших», могущим рассчитывать только на страдание [6, с. 78], то прекариат и вовсе изначально – типичный «страдающий класс» [21]. Только рядом негативных признаков он близок западным пролетариям далекого прошлого: отсутствием достаточных социальных гарантий. Прекарии, по существу, хотели бы иметь социальные гарантии старого рабочего и среднего класса, не имея соответствующего им экономического значения, а также не желая переносить «муки, порожденные рутинной» [12, с. 50] и прочие сопутствующие его положению ограничения в сфере индивидуальной самореализации. Попросту говоря, они хотели бы быть фрилансерами с социальными гарантиями золотого века социального государства. Если брать во внимание поколенческий аспект, то исследования показывают, что последнее поколение исповедует ценности, отчасти «вынужденного материализма», отчасти такого же вынужденного постматериализма [22, р. 154–169]. Оно ценит работу и занятость, но лишь поскольку без них не выжить; оно ведет себя зачастую экономически непродуктивно и в прежнем смысле этого слова не копит материальных богатств на земле, предпочитая богатство впечатлений [14] и пр. – частично потому, что иное ему просто недоступно. Это поколение радикально отличается от урбанизированных, отягощенных «семейной собственностью» [1] рабочего класса и «среднего класса», на которых опирались как советский строй, так и западное государство всеобщего благосостояния.

Поэтому преобразующиеся классы «общества труда» требуют не прежнего «социализма». Как пролетарии сто – двухсотлетней давности сами по себе могли дорасти только до «тред-юнионизма», нынешние низы могут дорасти только до борьбы за какую-то новую перераспределительную политику. Показательно, что старый социализм, в либеральном или социал-демократическом, и даже в новом левом обличье, по сути, не может ничего предложить массам недовольных, кроме как усиление борьбы «за свое». Он становится лишь обоснованием политического активизма, сводящегося к борьбе за кусочек политической власти, призванный обеспечить ренту – как компенсацию за утрачиваемую политическую субъектность [15]. Такого рода обоснование – не более чем ремейк старого «экономизма», не способный заглянуть за пределы своего времени и социального контекста. Но именно этот ремейк, соединившись с популистской риторикой (которая сама по себе трудно поддается четкой квалификации в терминах «левый»/«правый»), скорее всего, станет господствующим дискурсивно-идеологическим оформлением текущего этапа эволюции современного капитализма.

Однако нас в первую очередь интересует российская проблематика. Здесь мы исходим из того, что у нас рентное общество может сформироваться даже раньше, чем на Западе, поскольку уже есть его материальная предпосылка. И наличие этой предпосылки у нас уже получило едва ли не официальное подтверждение и обоснование.

Идеологическим обоснованием перехода к рентному обществу вполне может стать достаточно популярная концепция, согласно которой наш общественный строй является государственно-капиталистическим. Эта теория, которая в советские времена выдвигалась рядом марксистских диссидентов и казалась явно натяжной, теперь выглядит гораздо правдоподобней и может приобрести невиданный ранее мобилизующий потенциал.

Действительно, если перед кризисом 1998 года доля государства в экономике России оценивалась примерно в 25%, то к 2013 году, даже по данным Министерства экономического развития, доля госсектора увеличилась до 50%. По данным МВФ еще 2014 г. она составляла 70% [18]. По официальным данным картина такая же: в последние десять лет доля государства в экономике России выросла в полтора раза или даже в два раза. Была проведена мощная ренационализация российской экономики. Размер госсектора вырос с 35% ВВП в 2005 году до 70% в 2015-м [11].

К этому государственному капитализму прилагаются разные эпитеты, самые популярные (и идеально вписывающиеся в популистский дискурс) из которых – олигархический и клановый [5]. Но особенно показательно, что именно факт формирования в России государственного капитализма стараются затушевать наиболее высокопоставленные официальные лица. Как отмечает Е.В. Моргунов, «выступая на Петербургском международном экономическом форуме 17 июня 2011 г., Президент России Д. Медведев сказал: «Хочу заявить предельно четко: мы не строим государственный капитализм. Да, у нас был этап развития, связанный с усилением роли государства в экономике. Он был, по сути, неизбежен и во многом в определенный период необходим». По его словам, важно было стабилизировать ситуацию после хаоса 1990-х гг. «Однако теперь потенциал этого пути исчерпан ... Подобная экономическая модель представляет опасность для будущего страны. Это не мой выбор. Мой выбор в другом. В российской экономике должно доминировать частное предпринимательство и частные инвесторы» – сказал президент. В. Путин также неоднократно заявлял, что будущее России – это «социально ориентированная рыночная экономика, а не «государственный капитализм» [10, с. 25]. Что характерно, несмотря на то, что высшее руководство усиленно отрешивалось от политики государственного капитализма, социологи отмечали, что подавляющее большинство граждан России выступало за усиление государственного капитализма в экономике. Оно полагало, что «все стратегические отрасли экономики должны находиться под контролем государства, а в социальной сфере государство должно всем обеспечить определенный минимум социальных благ, сверх которого граждане добьются всего уже сами» [10, с. 30–31].

Адекватно ли описание российских реалий в терминах государственного капитализма – отдельный вопрос. В любом случае, это часть как официальной, так и левой риторики, от которой может отталкиваться левый популизм, и которая, в силу известной смысловой нагруженности, способствует вполне опреде-

ленному направлению развертывания политического дискурса. Иными словами, сам по себе дискурс, описывающий современный российский капитализм как государственный капитализм, достаточно опасен для правящей элиты. Тут очень даже просто устанавливается связь с революционным большевистским дискурсом столетней давности. Если в России монополии чрезвычайно тесно связаны с государством, то из этого напрашивается логичный вывод, что «империализм в современной России существует в форме государственно-монополистического капитализма, и это значит, что российский капитализм полностью созрел для своего, теперь уже окончательного свержения, создав все материальные предпосылки для восстановления социализма» [13].

Но даже если и не заводить серьезных речей о социализме и коммунизме, то и в русле обычного популистского образа мысли напрашивается вывод о простой смене политического режима (или даже правящей верхушки), если и не для прямого решения всех проблем, то в качестве необходимой предпосылки для этого. Нечто поверхностно напоминающее ленинскую теорию перехода к социализму от государственного капитализма теперь приобретает новую актуальность. При этом очевидно, что теперь предпосылок (по крайней мере технологических) для перехода к социализму (что бы под ним не подразумевалось) больше, чем век назад.

Если такого рода обоснование «перехода к социализму» станет достаточно популярным, оно будет отражать, что в России не только уже фактически сложилось рентно-сословное общество, но и его дискриминированные слои обрели достаточно ясное политическое самосознание, чтобы понять, по крайней мере, неадекватность имеющейся политической надстройки. Последняя исключает представительство и действительный учет интересов наиболее многочисленных слоев населения. Самое массовое сословие, равно как и большинство других, не имеет адекватного своей численности представительства. Все думские партии, в том числе и призванные имитировать это представительство (вроде КПРФ или СР), представляют разные фракции одного и того же «служивого сословия» или, если выразиться откровенней, правящего класса. Поэтому, когда эта ситуация станет совсем нестерпимой, политические требования в духе нового «социализма», скорее всего, будут иметь формально-демократический характер, а отличаться станут в зависимости от отношения к (крупной) частной собственности. Надо отметить такую немаловажную идеологическую составляющую возможного популистского социализма, как его потенциальный не-либерализм. Популизм и сам по себе, на Западе и в Латинской Америке, тяготеет к созданию нелиберальной формы правления [20]. Тем более, такого следует ожидать в России, где либерализм во многих устах является ругательным словом. В сочетании с социалистическими идеями и с квазибольшевистским дискурсом о госкапитализме популистскому социализму в России даже нет особого смысла маскироваться под либерально-демократические движения.

Формирование подобного рода популистско-социалистической идеологии сейчас затрудняется тем, что до сих пор ее место было занято идеологами КПРФ. КПРФ в условиях тучных годов российского госкапитализма выполняла функцию челобитчика от лица бюджетников перед властью. Конечно, этот челобитчик являлся частью «системы», своего рода официальным патроном своей клиентелы. Но патроном робким и непоследовательным, всерьез не го-

товым конфликтовать с властью и выводить людей на улицы, если только это угрожало бы ему каким-то серьезными санкциями. Это стало причиной постепенной потери популярности, что бы там ни говорили об административном ресурсе ЕР. Ностальгии оказалось недостаточно. В конце концов, люди голосуют за ту фракцию правителей, которая обладает реальным доступом к «прянику». Но когда пряники от власти не ожидаются (скорей, напротив), а традиционный патрон дискредитирован, появляется потребность в политической силе, прямо заинтересованной в радикальном преобразовании если не общественного строя, то политического режима. Последнее подразумевает решительное отстранение правящей элиты в пользу «истинных представителей народа». Таким образом, у нас есть предпосылки для формирования своей разновидности левого популизма, который будет выдвигать лозунги: а) постановка госкапитализма под контроль «народа», б) «справедливое» распределение национального богатства (ренты), в) преодоление наследия неолиберальной социальной политики с ее упором на экономическую «эффективность» вне зависимости от социальных последствий – в пользу подхода, в котором ни один человек не является лишним; г) социальная и культурная революция, призванная преодолеть уже сложившееся деление граждан на две «расы».

В случае прихода к власти таких политических сил у нас может установиться «государственный социализм» как своего рода преемник советского строя, или радикальная версия социал-демократического социального государства. Но в любом случае, это будет означать перетасовку прав всех имеющих место быть новых российских сословий, замену нынешней элиты на «контрэлиту» или даже на принципиальную не-элику и иные мероприятия, связанные с радикальным изменением перераспределения ренты.

Окажется ли такой социализм объективно способным выполнить возложенные на себя задачи – отдельный вопрос. Вероятность этого достаточно велика, тем более, если учесть, что «вопреки утверждениям либеральной публицистики, сила нового популизма именно в очевидной и совершенно реальной осуществимости его обещаний» [2, с. 178]. Другое дело, что в процессе выполнения им этих задач может оказаться, что этого недостаточно. Но вне зависимости от степени успешности он может оказаться вполне жизнеспособным на международной арене. В конце XX – начале XXI вв. постепенно выяснилось, что остракизм со стороны глобального либерально-демократического истеблишмента не так страшен, как прежде, что жить можно и при санкциях, и что в самих либеральных демократиях к власти приходят популисты, трансформирующие эти демократии в нечто иное. В лице экономически могучего, но политически нелиберального Китая появилась внешнеполитическая альтернатива, на которую можно ориентироваться. Наконец, и сама Россия, отнюдь, не Венесуэла. Попытки прямо препятствовать ее политическому выбору слишком затратны. В этом отношении конфронтация нынешней государственно-капиталистической и олигархической России с западными странами показала не только ее уязвимые места, но и то, что даже такая Россия способна проводить относительно самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Россия же, избавленная от социального раскола, подобного нынешнему, тем более выстоит под давлением извне.

Если же вставшая на описанный выше путь наша страна окажется способной зайти дальше описанной версии левого популизма, то некоторые техноло-

гические предпосылки также будут этому способствовать. Например, современные информационные технологии, вероятно, способны значительно облегчить построение плановой экономики, нежели таковые технологии времен Сталина или даже Брежнева. Но это уже тема, заслуживающая особого рассмотрения.

1. Городников С. Средний класс и Национальная Реформация [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://econ.wikireading.ru/39443>.
2. Кагарлицкий Б.Ю. Революционная ситуация без революции? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2018/04/18/whereistherevolution/>.
3. Кагарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2017. 280 с.
4. Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.
5. Косалс Л. Клановый капитализм в России // Неприкосновенный запас 2006, 6 (50).
6. Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. 192 с.
7. Мартьянов В.С. Прощай, средний класс // Свободная мысль № 5 (1659), 2016. С. 53–70.
8. Мартьянов В.С. Рентно-сословная трансформация российского общества // Неприкосновенный запас № 5, 2016. С. 106–124.
9. Митчелл Т. Углеродная демократия. Политическая власть в эпоху нефти. М. 2014. 408 с.
10. Моргунов Е.В. Какой капитализм построен в России? М.: ЦЭМИ РАН. 2011. 33 с.
11. Ослунд А. Неофеодальный капитализм России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20170428/239240254.html>.
12. Сеннетт Р. Коррозия характера. Новосибирск – М.: ФСПИ, «Тренды», 2004. 296 с.
13. Сокольский Л. Общественно-экономический строй современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://work-way.com/blog/2012/12/30/obshhestvenno-ekonomicheskij-stroj-sov/>.
14. «Угроза пенсионной системе». Почему молодежь не хочет копить? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://social.bfm.ru/blog/43925928769/%C2%ABUgroza-pensionnoy-sisteme%C2%BB>. – Pochemu-molodezh-ne-hochet-kopit.
15. Фишман Л.Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Полития № 3, 2016, С. 116–129.
16. Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. Грядущее рентное общество // Свободная мысль. 2015. № 5. С. 151–164.
17. Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн. 2016. 430 с.
18. Частный бизнес и государство в экономике России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.krymr.com/a/27601182.html>.
19. Шанкина А.Ю. Средний класс в России: охота на Несси // ПО-

ЛИС№ 1, 2003. С. 103–111.

20. Landau D. Populist Constitutions // The University of Chicago Law Review, Vol. 85, No. 2 (March 2018), pp. 521–544.

21. Raunig G. The Monster Precariat // Translate.eipcp.net. 10.03.2007. URL: <http://translate.eipcp.net/strands/02/raunig-strands02en#redir>.

22. Twenge J.M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood-and What That Means for the Rest of Us. New York: Atria Books. 2017. 352 p.

References

1. Gorodnikov S. Srednij klass i Nacional'naya Reformaciya [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://econ.wikireading.ru/39443>.

2. Kagarlickij B. Yu. Revolyucionnaya situaciya bez revolyucii? [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2018/04/18/wheretheevolution/>.

3. Kagarlickij B. Yu. Mezhdru klassom i diskursom. Levye intellektualy na strazhe kapitalizma. M.: Izd. dom Vysshej shkoly e'konomiki. 2017. 280 s.

4. Kordonskij S. Soslovnaya struktura postsovetskoj Rossii. M: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2008. 216 s.

5. Kosals L. Klanovyy kapitalizm v Rossii // Neprikosnovennyj zapas 2006, 6 (50).

6. Krauch K. Postdemokratiya. M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshej shkoly e'konomiki. 192 s.

7. Mart'yanov V.S. Proshhaj, srednij klass // Svobodnaya mysl' № 5 (1659), 2016. S. 53–70.

8. Mart'yanov V.S. Rentno-soslovnaya transformaciya rossijskogo obshhestva // Neprikosnovennyj zapas № 5, 2016. S. 106–124.

9. Mitchell T. Uglernodnaya demokratiya. Politicheskaya vlast' v e'poxu nefi. M. 2014. 408 s.

10. Morgunov E.V. Kakoj kapitalizm postroen v Rossii? M.: CE'MI RAN. 2011. 33 s.

11. Oslund A. Neofeodal'nyj kapitalizm Rossii [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://inosmi.ru/politic/20170428/239240254.html>.

12. Sennett R. Korroziya xaraktera. Novosibirsk – M.: FSPI, «Trendy», 2004. 296 s.

13. Sokol'skij L. Obshhestvenno-e'konomicheskij stroj sovremennoj Rossii [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://work-way.com/blog/2012/12/30/obshhestvenno-ekonomicheskij-stroj-sov/>.

14. «Ugroza pensionnoj sisteme». Pochemu molodezh' ne xochet kopit? [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://social.bfm.ru/blog/43925928769/%C2%ABUgroza-pensionnoj-sisteme%C2%BB>. – Pochemu molodezh-ne-hochet-kopit.

15. Fishman L.G. Zakat «obshhestva truda»: sovremennaya ideologicheskaya konstellyaciya // Politiya № 3, 2016, S. 116–129.

16. Fishman L.G., Davydov D.A. Gryadushhee rentnoe obshhestvo //

Svobodnaya mysl'. 2015. № 5. S. 151–164.

17. Ford M. Roboty nastupayut: Razvitie texnologij i budushhee bez raboty. M.: Al'pina non-fikshn. 2016. 430 s.

18. Chastnyj biznes i gosudarstvo v e'konomike Rossii [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://ru.krymr.com/a/27601182.html>.

19. Shankina A. Yu. Srednij klass v Rossii: oxota na Nessi // POLIS № 1, 2003. S. 103–111.

20. Landau D. Populist Constitutions // The University of Chicago Law Review, Vol. 85, No. 2 (March 2018), pp. 521–544.

21. Raunig G. The Monster Precariat // Translate.eipcp.net. 10.03.2007. URL: <http://translate.eipcp.net/strands/02/raunig-strands02en#redir>.

22. Twenge J.M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood-and What That Means for the Rest of Us. New York: Atria Books. 2017. 352 p.

UDC 329.14

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.149158

ON THE PROSPECTS OF LEFT RADICAL POPULISM IN RUSSIA

Fishman Leonid Gershevich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences,
Professor of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: lfishman@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the prospects for the emergence and development of left radical (socialistic) populism in modern Russia. The article shows that in our country, there are socio-structural, economic and ideological preconditions for the emergence of socially-oriented populism, which are similar to western preconditions, and even partially surpass them in degree of maturity. Particular attention is given to the consideration of the alleged content of political discourse, which, with a high probability, will be part of the basis of Russian version of left radical populism.

Key concepts:

populism, socialism, rent-class society, state capitalism.
